

И.В. Силантьев

*Институт филологии СО РАН,
Новосибирский государственный университет*

О концепции мотива в статье Н.П. Андреева «Проблема тождества сюжета»

В серии теоретических сборников «Фольклор» В.М. Гацаком в 1988 г. была опубликована статья Н.П. Андреева «Проблема тождества сюжета» [Андреев, 1988]¹. Актуальная и востребованная в современной фольклористике (о чем пишут В.М. Гацак и Б.П. Кербелите в предисловии и послесловии к публикации), эта статья не менее интересна и для сюжетологии – в плане трактовки повествовательного мотива и его отношения к сюжету. Наша небольшая заметка посвящена раскрытию указанного аспекта, а также осмыслению взглядов Н.П. Андреева в общем контексте теоретических представлений о мотиве в отечественной науке о фольклоре и литературе.

Мотив как составная часть сюжета

Обратимся к тексту статьи. «Обычно отдельный сказочный рассказ складывается из нескольких *эпизодов*; основанием для деления на эпизоды служит перемена места или времени действия, введение новых действующих лиц... Каждый эпизод, в свою очередь, складывается из ряда мотивов, связь между которыми создает единство эпизода» (233-234). И далее: «Вся цепь мотивов, входящих в данный рассказ, образует *сюжет его*» (234). Здесь Н.П. Андреев, в принципе, следует характерной для фольклористики тенденции «овеществления» мотива. Согласно подобным представлениям, из мотивов как таковых, как из неких «звеньев» или «кирпичиков», непосредственно складывается сюжетное повествование. Ср. высказывание Б.Н. Путилова: «Для большинства фольклористов мотив в фольклорном произведении – это относительно самостоятельный, завершённый и относительно элементарный *отрезок сюжета*» [Путилов, 1975, с.143].

Подобные взгляды были особенно характерны для первой трети XX века, когда тенденция различения инвариантного и вариантного начала в структуре повествовательного мотива еще только складывалась, вызревала – в фольклористике в трудах В.Я. Проппа [1928], а в литературоведении – в трудах А.И. Белецкого [1964, с.98]² (окончательное же теоретическое оформление эта концепция получи-

---

¹ Статья Н.П. Андреева цитируется ниже с указанием страниц в круглых скобках.

² В книге А.И. Белецкого «Избранные труды по теории литературы» (М., 1964) переиздана его работа «В мастерской художника слова» (1923 г.), в которой ученый впервые развернул противопоставление «мотива схематического» (т.е. мотивного инварианта) и «мотива реального» (мотивного варианта).

ла значительно позже, в работах фольклористов 1960-80-х годов³). Именно дихотомическая концепция мотива послужила основой для его уподобления слову: «Мотив может быть в известном смысле уподоблен слову: он функционирует в сюжете, который, соответственно, можно рассматривать как «речь» (“parole”), но он существует реально и на уровне эпоса в целом, который мы вправе трактовать как язык (“langue”))» [Путилов, 1975, с.145]. Как слово можно рассматривать в его системном языковом статусе («лексема») и в его речевом употреблении («слово-форма», «словоупотребление»), так и мотив в его инвариантном плане следует рассматривать в системе повествовательного языка, *над* сюжетным континуумом фольклора и литературы, и вместе с тем видеть варианты реализации мотива в конкретных сюжетах.

На моменте «овеществления» мотива соотнесенность мотивной концепции Н.П. Андреева с его временем заканчивается, и начинаются теоретические новации, более созвучные нашему времени.

Предикативность мотива

Обратим внимание на следующее определение мотива Н.П. Андреевым: «Под мотивами я понимаю отдельные факты, имеющие *динамическое* значение, т.е. подвигающие вперед движение рассказа; следовательно, исключаются отсюда элементы статического характера, напр., описательные (такие элементы я называю обычно *детальми* рассказа)» (234).

В этом определении раскрываются две очень существенных стороны повествовательного мотива: его *предикативный* характер и его противоположность в этом качестве детали как *непредикативному* элементу повествования. В формулировке данного тезиса ученый предвосхитил развитие концепции предикативности мотива в 1980-90-х годах.

Сравним взгляды Н.П. Андреева с основными положениями этой концепции, разработанной в ее основных вариантах Е.М. Мелетинским [1983] и В.И. Тюпой [1996].

Опираясь на достижения лингвистической теории, в частности, на идеи «падежной», или «ролевой» грамматики Ч. Филмора, Е.М. Мелетинский так формулирует тезис о предикативности мотива: «Структура мотива может быть уподоблена структуре предложения (суждения). Мы предлагаем рассматривать мотив как одноактный микросюжет, основой которого является действие. Действие в мотиве является предикатом, от которого зависят аргументы-актанты (агенса, пациенса и т.д.). От предиката зависит их число и характер» [Мелетинский, 1983, с.117]. Таким образом, в структуре мотива центральное положение занимает действие-предикат, и мотив в целом выступает предикативной основой для развертывания сюжетного повествования.

В.И. Тюпа развивает концепцию предикативности мотива с опорой на теорию актуального членения высказывания. «Категория мотива, – пишет исследователь, – предполагает тема-рематическое единство» [Тюпа, 1996, с.53]. Таким образом, речь идет о свойстве мотива служить основой сюжетного *высказывания*, т.е. не только содержать нечто известное (что есть «тема»), но и сообщать о чем-то новом (что есть «рема»), а в плане сюжетосложения – сдвигать *сюжетную ситуацию через новое событие в новую ситуацию*. Тема-рематический принцип предикативности мотива В.И. Тюпа соотносит и с двучленной моделью мотива («а + b») по А.Н. Веселовскому.

Концепции Е.М. Мелетинского и В.И. Тюпы, каждая по-своему, *онтологичны*, в них объясняется самая природа предикативности мотива. У Н.П. Андреева

³ См. об этом нашу статью: [Силантьев, 1998].

трактовка этого важнейшего свойства мотива, скорее, *функциональная*: мотив динамичен (предикативен), поскольку «подвигает вперед движение рассказа». И этот принципиальный аспект функционального определения предикативности мотива существенно дополняет обе позднейшие концепции. В целом же, увиденные в совокупности, в едином теоретическом пространстве науки, точки зрения трех ученых образуют исчерпывающую систему представлений о мотиве как динамической единице сюжета, побуждающей его к развитию.

Тематическая основа мотива

Предельно точно Н.П. Андреев характеризует и отношение мотива и темы. Прочитав автора: «... возможно говорить не только о теме рассказа, но и о *теме эпизода* и даже, при желании, о *теме отдельного мотива*»; в последнем случае вопрос заключается главным образом в *способе выражения*: “мать проклинает ребенка” – мотив, тема которого – “проклятие матери”» (234).

Об отношении мотива и темы писали многие авторы (см. об этом: [Силантьев, 1999]), но, пожалуй, никому не удавалось так точно выразить мысль о тематической основе мотива. Ведь мотив сам по себе *не есть тема* (хотя бы и элементарная, как полагал Б.В. Томашевский), но имеет *тематическое основание* – оставаясь при этом *динамическим элементом* повествования. Принципиально важно, что в определениях Н.П. Андреева связываются вместе два основных свойства мотива: мотив тематичен и одновременно предикативен. Таким образом, идеи фольклориста, сформулированные в конце 1920-х годов, оказываются созвучными размышлениям современного литературоведа, уже цитированным выше: «Категория мотива предполагает *тема-рематическое единство*» (выделено нами – И.С.).

Н.П. Андреев отмечает и другой аспект взаимоотношения тематического и рематического начала в структуре мотива – тот аспект, который обозначен в его статье как «способ выражения» мотива, и который становится очень важным в деле составления словарей и указателей фольклорной и литературной мотивики. По существу, в статье затронута проблема *номинации* мотива, его *именования* с целью идентификации и дальнейшей систематизации. И здесь автор статьи снова оказывается прав: идентификация мотива возможна только в аспекте его тематизации, только через выявление и экспликацию в самом названии мотива его тематического начала, – ведь лишенный этого начала мотив становится не более чем чистой идеей сюжетного динамизма как такового. Так, например, мотив «мать проклинает ребенка» вне своего тематического начала обращается в абстрактную и совершенно непродуктивную в плане мотивной систематики схему «герой выражает определенное отношение к другому герою».

Итак, мы постарались показать, как в нескольких чрезвычайно емких тезисах рассмотренной статьи Н.П. Андреева, словно в капле воды, отражены важнейшие свойства мотива, как он функционирует не только в фольклорном, но и в литературном повествовании. «Статья Н.П. Андреева нас радует как встреча с единомышленником» – так заканчивает Б.П. Кербелите свое послесловие к публикации этой работы [1988, с.243]. Позволим себе закончить нашу заметку в тональности процитированных слов: статья Н.П. Андреева, написанная более 70 лет назад, радует своей непреходящей актуальностью в плане теоретических представлений о мотиве и его роли в сюжете.

Литература

Андреев Н.П. Проблема тождества сюжета (Публикация В.М. Гацака) //

Фольклор: Проблемы историзма. М., 1988. С.230-243.

Белецкий А.И. Избранные труды по теории литературы. М., 1964.

Кербелите Б.П. Послесловие к статье Н.П. Андреева // Фольклор. Проблемы историзма. С.243.

Мелетинский Е.М. Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов // Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 635. Тарту, 1983. С.115-123.

Пропп В.Я. Морфология сказки. Л., 1928.

Путилов Б.Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. Сборник статей в память В.Я. Проппа. М., 1975. С.141-155.

Силантьев И.В. Дихотомическая теория мотива // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1998. № 4. С. 46-54.

Силантьев И.В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике. Новосибирск, 1999.

Тюпа В.И. Тезисы к проекту словаря мотивов // Дискурс – 2'96. Новосибирск, 1996. С.52-55.